

Е.А. ВАРШАВЕР, А.Л. РОЧЕВА, Н.С. ИВАНОВА

ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ НА МЕСТНОМ УРОВНЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО ПРОЕКТА

ВАРШАВЕР Евгений Александрович – старший научный сотрудник (varshavere@gmail.com); РОЧЕВА Анна Леонидовна – научный сотрудник (anna.rocheva@gmail.com); ИВАНОВА Наталия Сергеевна – научный сотрудник (nataliya.ivanova.0709@gmail.com). Все – Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия.

Аннотация. В статье представлены результаты проекта по созданию инструмента интеграции мигрантов, который позволяет выявить эффективность на основании методологически обоснованных социологических измерений. В 2014–2015 гг. в двух районах Москвы были проведены четыре интеграционные практики: конкурс видеороликов о жителях района «Лица Капотни», «живая библиотека» в школе, кулинарные мастер-классы с участием женщин-домохозяек из числа мигрантов и немигрантов и интеркультурный футбол с этнически смешанными командами. Практики, охватившие разные группы мигрантского и немигрантского населения, были сконструированы на основании проведенного исследования, а также на положениях теории контакта и интеркультурализма. Для каждой практики был разработан свой дизайн оценки эффективности, с применением квазиэкспериментальных методов и количественного анализа видеоматериалов. Анализ данных показал, что практики эффективны в части ослабления стереотипов, снижения тревожности, а также усиления районной идентичности. Общая формула успешности интеграции мигрантов заключается в создании регулярных и продолжительных «пересечений» разных групп мигрантского и немигрантского населения на основе разнообразных ресурсов соответствующей территории.

Ключевые слова: мигранты • местное сообщество • интеграционные практики • эффективность • теория контакта • интеркультурализм • районы Москвы

Постановка проблемы. Российские реалии характеризуются значительным разрывом между научными исследованиями и государственной политикой, социальным активизмом. Вместе с тем прикладные исследования могут пролить свет на те аспекты практической деятельности, которые в ином случае становятся предметом спекуляций и интуитивных решений. Веру в социальную инженерию на основе научных методов пошатнул ХХ в. [Скотт, 2005], однако, на данный момент в целом консенсусным [Gruening, 2001] является представление, согласно которому управление осуществляется на основе исследований воздействия решений (законов, программ и проектов). В результате обязательным шагом в ходе рассмотрения и принятия законов является оценка того, каким будет их воздействие на общество.

В поле деятельности неправительственных организаций (за исключением крупных международных игроков – подразделений ООН, Всемирного банка) такие требования к производимому социальному продукту предъявляются реже. В связи с этим во многих сферах складывается ситуация, когда предположение об эффективности мероприятий основывается на общих представлениях, сложившихся до их проведения, а обсуждение их результатов оказывается спекулятивным и непродуктивным.

Статья написана на основании научно-исследовательской работы «Разработка методологических подходов к оценке регулирующего воздействия законодательства в области миграции на основе социологических методов» в рамках государственного задания РАНХиГС на 2016 г.

В значительной степени это касается программ и проектов по социальной интеграции, которая подразумевает установление доброжелательных и взаимовыгодных связей между представителями принимающего общества и мигрантами. Когда в 2013 г. один из авторов написал брошюру «Мигранты. Интеграция. 20 успешных практик»¹, где были описаны зарубежные проекты социальной интеграции мигрантов, слово «успешных» было навязано издателем, заинтересованным в продвижении брошюры. Сами же описания практик, которые легли в ее основу, за редким исключением не содержали указания на оценку их эффективности, а если содержали, речь шла в лучшем случае об «отзывах участников», описывающих практику в восторженном ключе. Попытка связаться с организаторами практик подтвердила гипотезу о том, что серьезных замеров их эффективности не проводилось.

Российская реальность в части социальной интеграции мигрантов еще печальнее. Замер эффективности практик интеграции мигрантов за редким исключением не проводился. Практики же, включавшие элемент взаимодействия между участниками разных национальностей, зачастую не были сфокусированы на интеграции именно мигрантов². Более того, общественный дискурс по этому вопросу такого взаимодействия не предполагал, а заместители глав управ по социальным вопросам, которым после событий в московском Бирюлево³ «межнациональные отношения» были отданы под контроль, имели весьма смутные представления о том, каким образом эти акции можно осуществить.

Проект: теоретическая основа, ход, замер эффективности. На данный момент ни во властных структурах, ни в заинтересованной общественности, ни в научном сообществе не существует консенсуса в отношении понимания интеграции, обозначим свое понимание этого понятия. Интеграционная практика понимается как совокупность действий, направленных на интеграцию мигрантов. Немецкая традиция [Esser, 2001] исследований процесса, которой мы придерживаемся, предлагает выделять четыре аспекта: культурная, структурная, социальная и идентификационная. В рамках культурной интеграции, или аккультурации, мигранты осваивают язык и нормы принимающего общества, структурная интеграция предполагает включение мигрантов в систему позиций и статусов принимающего общества, социальная интеграция связана с налаживанием отношений между мигрантами и принимающим обществом, а идентификационная интеграция касается эмоционального аспекта включения мигрантов в общество (подробнее см. [Варшавер, Рочева, 2016(b)]).

Теоретической основой проекта стала теория контакта [Allport, 1979], согласно которой взаимодействие представителей разных этнических групп ослабляет негативные стереотипы друг о друге. Происходит это, однако, при определенных условиях: (1) контакт осуществляется в условиях равенства между ними, (2) у представителей групп общие цели, (3) в ходе контакта подчеркивается общность интересов участников, (4) институциональная среда способствует, а не противодействует осуществлению контакта [Allport, 1979: 281]. В последующие годы теория была подтверждена. Исследования, выполненные в русле этой теории, также показали, что ослаблению стереотипов способствует не только взаимодействие участников лицом к лицу, но так называемый «расширенный» и «воображенный»: когда человек узнает о контакте, в котором участвовал его друг или член его группы [Feddes et al., 2007; Cameron et

¹ Варшавер Е. А. Двадцать успешных практик интеграции мигрантов // Московский институт социально-культурных программ. 2014. URL: <http://www.miscp.ru/assets/docs/immigrants-integration.pdf> (дата обращения: 09.09.2016).

² См., например, «Живая Библиотека» (Human Library). URL: <http://humanlibrary.ru/> (дата обращения: 09.09.2016).

³ Варшавер Е. А., Рочева А. Л. Бирюлево Западное: откуда взялись мигранты и чем они заняты? // Slon. 2013. 14 ноября. URL: https://slon.ru/russia/biryulevo_zapadnoe_otkuda_vzyalis_migranty_i_chem_oni_zanyaty-1003961.xhtml (дата обращения: 09.09.2016).

al., 2006; Paolini et al., 2004], или же представляет свой контакт в воображении [Miles, Crisp, 2014; Crisp, Turner, 2013; Turner et al., 2007].

Другим основанием проекта стала концепция интеркультурализма, появившаяся в Европе в 2000-х гг. в связи с постулируемым кризисом политики мультикультурализма [White Paper..., 2008]. Будучи изначально его элементом, предполагавшего, с одной стороны, сохранение и автономию «культур» в рамках политических общностей, с другой же – интеркультурный диалог, в рамках которого «культуры» взаимодействуют прежде всего в публичной сфере, интеркультурализм отказывается от субъектности культуры и, обращаясь к концепции методологического индивидуализма, делает ударение на индивидуальных правах представителей разных «культур». Иными словами, индивиды в рамках этой концепции перестают выступать в качестве «агентов» своих «культур», а рассматриваются как автономные личности с определенным культурным багажом. Практическим аспектом интеркультурализма является стимуляция взаимодействия между людьми с разным культурным бэкграундом – от соседских бесед и сотрудничества до романтических отношений и браков. Идеологической рамкой такого взаимодействия является интеркультурализм.

Наш проект представлял собой серию пробных практик, которые были призваны способствовать интеграции мигрантов разных социально-демографических групп на местном уровне. Для определения этих групп, а также групп, взаимодействие с которыми способствует интеграции, проведено исследование двух районов – Капотни и Кунцева – в результате которых была создана их социальная карта, где отражены типичные для них группы не/мигрантов. На основании этих материалов подготовлена концепция, в которой отражены возможные взаимодействия между разными группами, а также общие меры, призванные способствовать интеграции мигрантов (например, усилия по ослаблению негативных стереотипов). Всего осуществлено четыре практики: «Лица района», «Живая библиотека», «Кулинарные мастер-классы» и «Интеркультурный футбол».

Интеграционные практики: описание и эффект

«Лица Капотни». Пилотная практика под таким названием представляла собой конкурс видеороликов, которые школьники снимали о жителях своего района. Каждой команде необходимо было снять четыре ролика – про «русского», родившегося в районе, про «русского» мигранта, про «нерусского», переехавшего в район более 10 лет назад, а также про «нерусского», переехавшего в район недавно или находящегося в районе временно. Мастер-классы по съемке и монтажу для школьников проводили студенты Московской школы нового кино. Когда все ролики были отсняты, профессиональное жюри выбрало команду-победителя. В районной библиотеке было организовано мероприятие, на котором все желающие (преимущественно, жители района) могли посмотреть ролики, а команды получали призы, в том числе приз зрительских симпатий⁴.

Таким образом, школьники и взрослые в ходе проекта познакомились, что способствовало социальной интеграции, а созданная и просмотренная галерея видеообразов жителей района, включавшая мигрантов и немигрантов, «русских» и «нерусских», переформатировала представления капотненцев о том, кто живет в Капотне. На наш взгляд, эта практика способствует идентификационной интеграции мигрантов.

«Живая библиотека». Предложенное название предполагает метафорический ряд: «книги» – это представители групп, в отношении которых в обществе существуют стереотипы, «читатели» – представители общественного мейнстрима, а «чтение» – это общение между первыми и вторыми, которое модернуруется

⁴Герой этого ролика, мастер по ремонту обуви из Армении, трогательно говорит о необходимости любви и уважения людей друг к другу независимо от их национальности.

«библиотекарями». «Читатели» задают «книгам» вопросы, на которые те дают развернутые ответы, и в результате такого общения мнение «читателя» о «книге» и ее группе, в целом, меняется.

Для того чтобы проверить, насколько эта практика действительно снижает стереотипы в отношении стигматизированных групп, «Живая библиотека» была проведена в одной из московских школ в 2015 г.

Исследовательский метод, использованный для оценки эффективности, – это квазиэксперимент, подразумевавший замер установок в исходном состоянии в контрольной и экспериментальной группах, осуществление экспериментального воздействия и повторный замер. Изменение установок в предсказанном направлении свидетельствует об эффективности практики.

Четырьмя «книгами» проведенной «Живой библиотеки» стали (1) русская мусульманка, (2) мусульманин-дагестанец, (3) киргизская мигрантка, (4) киргизский дворник. Для участия в исследовании были отобраны два параллельных десятых класса – экспериментальный и контрольный (32 ученика и 22 ученика соответственно). За несколько дней до мероприятия в классах был проведен замер, затем в экспериментальном классе было сделано небольшое сообщение о том, что такое «Живая библиотека», и о наборе «книг». Через неделю после проведения был осуществлен второй замер в двух классах. Анкета состояла из нескольких блоков, измерявших стереотипы и их содержание на основании разных теоретических подходов и способов операционализации: (1) вопросы об ощущении опасности, связываемой с представителями другой национальности/религии, (2) шкала «термометр» для измерения установок в отношении групп «иммигранты», «мусульмане», «кавказцы» и «таджики», (3) семантический дифференциал, (4) шкала ориентации на социальное доминирование.

Для статистического анализа использовался прежде всего t-test для независимых выборок, в рамках которого сравниваются результаты первого и второго замера (1) для экспериментальной группы, (2) для контрольной группы, а также (3) первого замера для экспериментальной и контрольной групп. В случае наличия различий в первом случае и отсутствия – в остальных указывается на наличие эффекта воздействия практики на этот показатель.

В целом «Живая библиотека» ослабила представление, согласно которому мигранты создают социальную напряженность, а также способствовала улучшению установок школьников в отношении «мусульман» и «кавказцев». Так, в экспериментальной группе при втором замере увеличилась доля тех, кто не согласен с высказыванием «Наличие большого количества представителей другой национальности/религии связано с высоким уровнем социальной напряженности» (среднее значение по 7-балльной шкале выросло на 1 балл при значимости $p = 0,016$).

Измерение посредством шкалы «термометр» с делениями от -50 до +50 продемонстрировало, что отношение экспериментальной группы к «мусульманам» «потеплело» на 10 делений, к «кавказцам» – на 8,4.

Анализ данных, полученных с помощью семантического дифференциала, показал, что после участия в «Живой библиотеке» школьники стали чаще атрибутировать «мусульманам» и «кавказцам» положительные характеристики. Более всего таких характеристик приобрели «мусульмане»: их стали чаще воспринимать как дружелюбных, теплых, вызывающих доверие, сильных – а также, вместе с «кавказцами» – как более приятных и позитивных (повысилась с 3,56 и 3,75 до 4,56 и 5,22).

Таким образом, «Живая библиотека» показала свою эффективность в качестве интеграционной практики, способствуя снижению социальной напряженности и ослаблению стереотипов в отношении категорий «мусульмане» и «кавказцы» – что служит основой для формирования социальных связей между мигрантами и немигрантами.

Кулинарные мастер-классы. Одной из наименее интегрированных в район групп мигрантов являются женщины, которые занимаются домашним хозяйством и детьми. При этом, русскоязычные женщины-домохозяйки, родившиеся в районе

или только недавно переехавшие, напротив, успешно интегрируются через «детские» институты. Неэффективность детских площадок для интегрирования женщин-мигрантов связана с напряженными отношениями между мамами из числа иноэтничных мигрантов и «русскими» мамами. Для того чтобы улучшить эти отношения и ослабить взаимные негативные стереотипы, вместе с коллегами из команды Cook&Talk был разработан формат интеркультурных кулинарных мастер-классов, который предполагает серию регулярных встреч жительниц разного происхождения и миграционного статуса для совместных занятий кулинарией. Перед каждым мастер-классом выбирается героиня, которая учит остальных участниц готовить любимое ею блюдо. Мастер-класс длится три часа: в течение первых двух часов участницы обсуждают рецепт и ингредиенты, затем вместе готовят, в течение последующего часа садятся за общий стол и пробуют приготовленное за общей беседой, которую направляет модератор.

В 2015 г. в Капотне было проведено четыре мастер-класса. В них участвовало пять немигранток русского происхождения и пять нерусских мигранток из стран Средней Азии и Закавказья. Первый был посвящен армянской и грузинской кухне, второй – русской, третий – азербайджанской, четвертый – узбекской и таджикской.

Оценка эффективности этой практики состояла из двух частей: видеофиксация и последующий анализ видеоматериала, серия интервью до мастер-классов и после. Видеозаписи анализировались в двух измерениях: статическом и динамическом. Первый предполагает оценку расположения участниц друг относительно друга в фиксированные моменты времени с шагом в пять минут, анализ в динамическом измерении включает в себя подсчет контактов.

Для каждого мастер-класса подсчитывались ситуации соседства и контакты по трем категориям: (1) мигрант-мигрант, (2) мигрант-немигрант, (3) немигрант-немигрант. Показатели взвешивались, исходя из соотношения не/мигрантов на каждом мастер-классе.

Анализ статического измерения видеозаписей показал, что от первого к четвертому мастер-классу выросла доля ситуаций соседств между мигрантами и немигрантами, высчитанная от всех ситуаций соседств: если на первом эта доля составила 26% (или 76 ситуаций в абсолютном измерении), то на четвертом такие ситуации уже преобладали и их доля составила 53%. Более того, по мере проведения мастер-классов мигранты и немигранты чаще стали не просто оказываться рядом, но взаимодействовать: анализ видео в динамическом измерении продемонстрировал, что от первого к четвертому мастер-классу увеличилась доля контактов между мигрантами и немигрантами: на первом она составляла 36% от всех контактов, на четвертом – уже 65%. И тот, и другой подсчет показывают, что, если в начале серии мастер-классов контакт между мигрантами и немигрантами был относительно редким, к концу такой контакт стал преобладать.

Эти результаты наряду с выводами, полученными нежесткими методами (интервью с участницами показали, что у мигранток снизился языковой барьер и они стали увереннее во взаимодействии с местными) позволяют говорить о том, что формат кулинарных мастер-классов эффективен в части включения мигрантов в местное сообщество. Можно предположить, что на более длинных временных отрезках он может способствовать полноценной социальной интеграции участниц.

Интеркультурный футбол. Практика под названием «интеркультурный футбол» была разработана для интеграции двух групп мужчин, исключенных из районной жизни. Первая группа – это преимущественно «русские» мужчины с семьями, которые в течение недели работают вне района, а выходные дни предпочитают проводить дома. Другой группой являются дворники – преимущественно «нерусские» мигранты, которые проводят много времени в районе, но, за редким исключением, не общаются с жителями района. Формат практики предполагал проведение футбольного турнира, в ходе которого соревнуются смешанные полиэтничные команды.

Футбольный турнир стал частью специально организованного праздника в Кунцевском районе Москвы в сентябре 2015 г., который предусматривал занятия и конкурсы для детей, а также выступления профессиональных и любительских коллективов. Звучали песни о добрососедстве и «дружбе народов», об этом же говорил ведущий мероприятия.

В турнире приняли участие семь смешанных команд, которые были составлены в результате жеребьевки 42 игроков. Родные языки игроков варьировались от русского и армянского до киргизского и лакского. Для определения победителя была разработана формула турнира. Согласно этой формуле, после каждой игры на поле остается победитель и играет со следующей командой. В случае игры вничью на поле выходят две следующие команды. За каждую победу присуждается три очка, за «ничью» – по одному очку, за проигрыш – ноль очков, выигрывает команда, набравшая наибольшее количество очков. Команды, занявшие призовые места, получили грамоты и книги, было сделано общее фото на память.

Для оценки эффективности этой практики было проведено анкетирование участников – личный опрос непосредственно до начала турнира и телефонный опрос спустя неделю. Опрос проводился интервьюерами, которые помимо русского языка владели узбекским, таджикским или киргизским и заполняли анкеты на соответствующем языке, по выбору респондента. В первой волне принял участие 51 респондент, во второй – 27. Помимо социально-демографических характеристик, анкета включала в себя четыре основных блока: укорененность респондента в районе (через наличие социальных связей в районе, идентификация себя с районом); ощущение безопасности в районе и Москве; выраженность установок в отношении «своей» и «других» групп; установки в отношении разных групп («мусульмане», «москвичи», «русские», «мигранты», «кавказцы», «таджики»), которые замерялись с помощью шкалы «термометр»⁵.

Методология оценки предполагала подсчет изменения значений переменных для групп, выделенных по разным основаниям и накладывающихся друг на друга: «все участники практики», «видимые меньшинства»⁶, «жители района», «жители района – видимые меньшинства», «жители района, игравшие в футбол», «игравшие в футбол», «видимые меньшинства, игравшие в футбол». Для определения эффективности интеграционной практики были проанализированы средние значения первой и второй волны опроса и с использованием *t*-критериев была рассчитана значимость разницы средних значений.

В целом в результате практики увеличилась укорененность респондентов в район, а установки в отношении «русских» и «москвичей» стали позитивнее. Об этом свидетельствуют результаты подсчета разницы между показателями индекса, созданного на основании трех утверждений: «Я знаю много людей в этом районе», «Когда я иду по этому району, я встречаю много знакомых людей», «Через друзей и знакомых, живущих или работающих в этом районе, я могу решить многие проблемы». Коэффициент альфа Кронбаха равен $\alpha=0,707$ для первой волны и $\alpha=0,778$ для второй волны. Укорененность в район статистически значимо увеличилась от первой волны ко второй для «жителей района, игравших в футбол», для «игравших в футбол», для «видимых меньшинств, игравших в футбол» – в среднем, на 0,17 пункта.

⁵Респондентам было предложено взглянуть на графическое изображение градусника и оценить свое отношение к разным группам, где +50 обозначало наилучшее отношение, а –50 наихудшее.

⁶Термин заимствован из канадского антирасистского законодательства и был введен на основе соображения, согласно которому люди воспринимают друг друга и осуществляют дискриминацию по внешним признакам [Woolley, 2013]. В исследовании к меньшинству были отнесены респонденты, которые назвали себя аварцами, азербайджанцами, армянами, киргизами, таджиками, узбеками; к большинству – назвавшие себя белорусами, евреями, русскими, украинцами, славянами.

В результате участия в практике среди «жителей района-видимых меньшинств» улучшились установки в отношении двух категорий – «москвичи» и «русские» – на 5–7 пунктов. При этом к «москвичам» отношение улучшилось у всех групп, за исключением «видимых меньшинств».

Оценка эффективности интеркультурного футбола продемонстрировала, что эта практика – действенный инструмент для интеграции исключенных групп жителей в районную жизнь и снижения стереотипов, существующих в этих группах в отношении друг друга.

Заключение. Все практики, результат которых был замерен, оказались эффективны для ослабления стереотипов, снижения тревожности, а также усиления районной идентичности. В результате был создан инструмент, который работает и его использование для интеграции мигрантов в городских районах или сельской местности способствует интеграции. По результатам проекта были изданы методические рекомендации по проведению практик интеграции мигрантов [Варшавер, Рочева, Иванова, 2015].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Варшавер Е.А. Теория контакта: обзор // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 5. С. 183–214. [Varshaver E.A. (2015) Contact theory: Review. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5: 183–214. (In Russ.)]
- Варшавер Е.А., Рочева А.Л. Интеграция мигрантов на локальном уровне: западный и российский опыт // Восток на Востоке, в России и на Западе: трансграничные миграции и диаспоры. Автор проекта, науч. и литератур. ред. С. Панарин. СПб.: Нестор-История, 2016 (а). С. 194–213. [Varshaver E.A., Rocheva A.L. (2016) Integracija migrantov na lokal'nom urovne: zapadnyj i rossijskij opyt. *Vostok na Vostoke, v Rossii i na Zapade: transgranichnye migracii i diaspori* [East in the East, in Russia and in the West]. Avtor proekta, red. S. Panarin. St. Petersburg: Nestor-Istorija, 2016a: 194–213. (In Russ.)]
- Варшавер Е.А., Рочева А.Л. Интеграция мигрантов: что это и какую роль в ее осуществлении может играть государство // Журнал исследований социальной политики. 2016b. Т. 14. № 3. С. 315–330. [Varshaver E.A., Rocheva A.L. (2016 b) Migrant Integration: what is it and what role does the state play in its implementation? *The Journal of Social Policy Studies*. Т. 14. No. 3: 315–330. (In Russ.)]
- Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С. Район как сеть: методология и результаты исследования двух московских районов // Городские исследования и практики. 2017. № 5 (в печати). [Varshaver E.A., Rocheva A.L., Ivanova N.S. (2017) Rajon kak set': metodologija i rezul'taty issledovanija dvuh moskovskih rajonov. In. *Gorodskie issledovanija i praktiki*. [Journal of Urban Studies and Practices]. No. 5 (in print). (In Russ.)]
- Скотт Д. Благими намерениями государства. М.: Университетская книга, 2005. [Skott D. (2005) *Blagimi Namerenijami Gosudarstva*. [Seeing like a state]. Moscow: Universitetskaja kniga. (In Russ.)]
- Allport G. W. (1979) *The Nature of Prejudice*. New York: Basic books.
- Cameron L., Rutland A., Brown R., Douch R. (2006) Changing children's intergroup attitudes toward refugees: Testing different models of extended contact. In: *Child Development*. Vol. 77. No. 5: 1208–1219.
- Crisp R.J., Turner R.N. (2013) Imagined intergroup contact: Refinements, debates and clarifications. In: *Advances in Intergroup Contact*. Eds: G. Hodson, M. Hewstone. New York: Psychology Press (Taylor & Francis): 135–151.
- Esser H. (2001) *Integration und Ethnische Schichtung*. Mannheim: Mannheimer Zentrum für Europäische Sozialforschung.
- Esser H. (2004) Does the 'New' Immigration Require a 'New' Theory of Intergenerational Integration? *International Migration Review*. No. 38 (3): 1126–1159.
- Feddes A.R., Noack P., Rutland A. (2009) Direct and extended friendship effects on minority and majority children's interethnic attitudes: A longitudinal study. *Child development*. Vol. 80. No. 2: 377–390.
- Gruening G. Origin and theoretical basis of New Public Management. *International public management journal*. 2001. Т. 4. No. 1: 1–25.
- Heckmann F., Bosswick W. (2005) *Integration and Integration Policies*. Bamberg: European Forum for Migration Studies.

- Heckmann F., Schnapper D. (eds) (2003) *The Integration of Immigrants in European Societies: National Differences and Trends of Convergence*. Stuttgart: Lucius & Lucius.
- Miles E., Crisp R.J. (2014) A meta-analytic test of the imagined contact hypothesis. *Group Processes & Intergroup Relations*. Vol. 17. No. 1: 3–26.
- Paolini S. et al. (2004) Effects of direct and indirect cross-group friendships on judgments of Catholics and Protestants in Northern Ireland: The mediating role of an anxiety-reduction mechanism. *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 30. No. 6: 770–786.
- Pettigrew T.F., Tropp L.R. (2006) A meta-analytic test of intergroup contact theory. *Journal of personality and social psychology*. Vol. 90. No. 5: 751–783.
- Pettigrew T.F., Tropp L.R. (2012) *When groups meet: The dynamics of intergroup contact*. New York: Psychology Press.
- Turner R.N., Crisp R.J., Lambert E. (2007) Imagining intergroup contact can improve intergroup attitudes. *Group Processes & Intergroup Relations*. Vol. 10. No. 4: 427–441.
- White Paper on Intercultural Dialogue «Living Together As Equals in Dignity» (2008). Brussel: Council of Europe.

Статья поступила: 27.09.16. Принята к печати: 25.01.17.

MIGRANT INTEGRATION ON THE LOCAL LEVEL: RESULTS OF AN ACADEMIC AND PRACTICAL PROJECT

VARSHAVER E.A.*, ROCHEVA A.L.*, IVANOVA N.S.*

*Russian Presidential Academy for National Economy and Public Administration, Russia

Evgeni A. VARSHAVER, MA in Sociology, MA in Government, Senior research fellow, Russian Presidential Academy for National Economy and Public Administration, Moscow, Russia (varshavere@gmail.com); Anna L. ROCHEVA, MA in Sociology, Research fellow, Russian Presidential Academy for National Economy and Public Administration, Moscow, Russia (anna.rocheva@gmail.com); Natalija S. IVANOVA, Research fellow, Russian Presidential Academy for National Economy and Public Administration, Moscow, Russia (nataliya.ivanova.0709@gmail.com).

Acknowledgements. Article is written on the basis of research work “Development of methodological approaches to assessment of the regulating influence of the legislation in the field of migration on the basis of sociological methods” within the RANEPА state task for 2016.

Abstract. Evaluation and assessment, having become part and parcel of project management in large international non-governmental organizations and policy-making in the economically-developed countries nowadays, are still rare in the sphere of migrant integration practices all over the world. The abundance of migrant integration initiatives together with the lack of evaluated projects precludes this sphere from smooth progress. In Russia, even more so, efforts towards migrant integration are very few, suffer from the Soviet ‘multi-culti’ background and hardly ever imply evaluation part. This article demonstrates results of a project undertaken as an effort to create a toolkit for migrant integration on the local level that has to be effective. Basing on the contact theory and interculturalism, as well as sociological research in two Moscow neighborhoods in 2014–2015, we have developed and conducted four events which aim at social and identificational integration of different groups of migrants in these two localities: documentary films contest “Neighborhood faces”, “human library” at school, culinary workshops for migrant and non-migrant housewives, intercultural football tournament for ethnically-mixed teams. Together with the events, we have developed specific methodologies for their evaluation which include quantitative methods such as survey, quasi-experimental methods and video-analysis. The article describes these four integration practices, evaluation designs and results. The three integration practices that were assessed, prove to be effective as they reduce social tensions and negative stereotypes among “migrants” and “non-migrants”, and contribute to the higher identification with local community and new social ties’ formation. The major principle for successful migrant integration implies organization of regular and long-term contacts between different groups of migrants and non-migrants, basing on the resources of the specific locality.

Keywords: migrant integration, local community, integration practices, effectiveness assessment and evaluation, contact theory, interculturalism, Moscow neighborhoods.

Received: 27.09.16. Accepted: 25.01.17.